

ВОПРОСЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ В ТРУДАХ А.А. СЕМЕНОВА

А.В. Валиев

Рассматривается вклад ученого Семенова А.А. в изучение антропологического типа, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры, семьи и семейных отношений горных таджиков в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: жилище; европейский тип; рубаха; очаг; пища; исмаилизм.

В конце XIX – начале XX вв. русские исследователи начали всесторонне изучать Восточную Бухару и Памир. Большинство из них было чиновниками Российского правительства, однако они очень доброжелательно и уважительно относились к местному населению. Хотя перед ними стояли совсем другие задачи, однако в своих записках, работах дали интересные и ценные материалы этнографического характера. Одним из таких ученых был видный русский востоковед, в будущем академик АН Таджикистана А.А. Семенов. Еще в начале своей научной деятельности им написаны интересные и содержательные работы, в которых дан важный этнографический материал о жизни и быте равнинных и горных таджиков в конце XIX – начале XX вв.

Рассказывая о таджиках, автор, в частности, пишет следующее: “Таджики, составляющие вместе с узбеками большинство городского и сельского народонаселения Средней Азии, принадлежат не к тюркскому племени, а к так называемому индоевропейскому”. Далее он отмечает, что язык тад-

жиков не имеет ничего общего с тюркскими языками – туркменским, киргизским, узбекским.

А.А. Семенов в работах рассказывает об антропологическом типе таджиков. В частности, он пишет: “По наружному виду таджики также резко отличаются от племен тюркского происхождения. С первого взгляда легко отличить красивого и стройного таджика от мешковатого, неуклюжего киргиза или узбека. Большинство таджиков имеет высокий лоб, выразительные глаза с длинными черными ресницами и тонкий прямой нос. Цвет лица у них румяный, волосы темно-русые, борода окладистая, густая”. Остановившись на описании горных таджиков, автор подчеркивает, что горные таджики представляли полнейшую противоположность лукавым таджикам равнины.

Они были среднего роста или выше, обладали крепким телосложением; волосы у них густые, черные, отличались природным умом, легко усваивали все для них новое, были вежливы, гостеприимны и предупредительны по отношению друг другу.

Далее он пишет, что у них высокий и емкий череп, более короткий сзади, чем спереди, настоль-

ко брахицефалический, глаза зоркие, обыкновенно черные, коричневые, зеленые. А.А. Семенов отмечает, что руки и ноги умеренной величины, кисти рук пропорциональны росту. Их костюм – длинные белые рубахи или ситцевые рваные халаты, надеваемые обыкновенно прямо на тело”. По словам ученого, горным таджикам была присуща манера медленно работать.

Издавна таджики занимались земледелием и садоводством. А.А. Семенов подчеркивает, что таджики не отличались воинственностью и издавна предназначены к мирным занятиям. Земледелием занимались в каждом горном кишлаке по скатам гор и плоскостям долин. Часть горных таджиков во время голода отправлялась в соседние более плодородные горные области или спускалась в равнины и обменивала свою продукцию, в частности, шкуры животных, шерсть и пр. на хлеб. Другая часть из-за скудости урожаев, бедностями и суровости родины занималась отходничеством, отправлялась в Самарканд, Бухару, Ферганскую долину. Там выполняла различные земляные работы: копали колодцы, проводили водопроводы, таскали тяжести, работали на хлопкоочистительных заводах и т.д. По этому поводу А.А. Семенов пишет: “Отхожий промысел у горных таджиков довольно развит и заработок на стороне служит большим подспорьем горцу среди его страшной нужды, в особенности, если принять во внимание то обстоятельство, что у зеравшанцев нет ни садов, ни огородов.

Ученый в своей работе пишет и об охоте. По справедливому замечанию А.А. Семенова, обилие в горах дичи, как-то: козлов, медведей, зайцев, куропаток, голубей, гусей, уток издавна упрочило среди туземцев охотничий промысел. Одежда охотника состояла из широких и толстых шерстяных штанов и теплой обуви.

А.А. Семенов собирал материал относительно обычаев и обрядов, связанных со скотоводством, которое, как и земледелие, играло важную роль в хозяйстве таджика. А.А. Семенов отмечал, что кроме “мяса, молока, масла, сметаны и прочего, скот доставляет таджику шерсть для производства грубой ткани, для зимних халатов, для изготовления чалмы, штанов и упомянутых выше узорчатых чулок, а также овчины и кожи для постелей, одежды и обуви”.

По словам автора, среди горцев очень развивался домашний промысел: шелководство, железоделательное производство, ткачество и др. А.А. Семенов пишет: “Местные женщины большие мастерицы прясть, ткать, вышивать шелками и вязать чулки, покрытые разнообразными рисунками; кроме того, приготовление глиняной посуды также лежит на обязанности женщин и каждая туземка, не имея ни-

какого понятия о гончарном колесе, одними лишь руками умеет лепить из глины и обжигать на очаге самую разнообразную посуду, причем по тонкости работы и по красоте рисунка такая посуда ничуть не уступает той, которая сделана при помощи гончарного колеса и других приспособлений”.

В работах ученого нашли отражение вопросы материальной культуры, в частности жилища. Давая описание селений и жилищ, А.А. Семенов отмечал, что в высокогорных кишлаках не росли деревья, и что растительность становилась все гуще и богаче по мере приближения к тем селениям, которые были расположены по берегам рек, горцы выбирали места, имеющие источники воды для питья и орошения полей. В равнинных местностях практиковалось возведение стен из сырцовых кирпичей, глинобитных, а в Каратегине – и каркасных стен. Высота стен, по сообщению А.А. Семенова, в среднем не превышала “аршин трех или четырех”. Он так же сообщает о форме перекрытий, о нарах и их назначений, об устройстве и значении очага в доме и др. Большое значение для этнографической науки имели сведения о структуре жилищ, которые подчеркивали разный социальный состав владельцев. Местная неимущая часть населения, в частности Каратегина и Дарваза, на холодное время года перебиралась в особые зимние жилища.

Каждое зимнее помещение являлось собственностью от трех до пяти семей, ибо они строили его совместно и жили в нем вместе. Отличительной чертой таких зимних помещений являлось то, что стены в них были толще, хорошо оштукатурены глиною снаружи и внутри, да и крыши лучше. По размеру они во много раз были больше обычных домов. Дверь казалась крепкой и с высокими порогами. Каждая семья на нарах занимала свое определенное место. Посредине пола, как раз под отверстием и крыше – устраивался очаг. На деревянных столбах, поддерживающих потолок, были прикреплены два-три деревянных резных подсвечника.

“Когда думаешь, – продолжает свою мысль А.А. Семенов, – что в таких хона на зиму собирается пять-шесть семей, невольно удивись равнодушию туземца к тесноте и его невзыскательности различного рода неудобствам такой совместной многосемейной жизни.

А.А. Семенов в работах подробно останавливается и на одежде горцев. Горцы зимой сверх рубахи или халата надевали какой-нибудь рваный полушубок – пусин или чакман – местный толстый шерстяной темно-серый или черный халат. Костюм таджиков считался самым щеголеватым и красивым в Средней Азии. Он состоял из длинной рубахи и широких штанов; поверх

этого надевали короткий халат. Халат опоясывали поясом, к которому многие сбоку привешивали один или пару ножей в ножнах. По словам А.А. Семенова, отправляясь на базар или выходя куда-либо на улицу, в гости, мечеть и др., таджик сверх халата надевал другой, подлиннее и более легкий из хлопчатобумажной или шелковой материи. Автор далее пишет: “На голову таджики надевают легкую шапочку, ермолку, поверх которой наворачивают длинную (аршин в 5–1–0) полосу материи, по большей части кисеи. Получается очень красиво: намотанная большая шапка (чалма), которая легка для головы и потому не жарка во время лета”.

Головной убор таджика чаще всего состоял из рваной токи – тюбетейки обычного местного типа, иногда привозимой из Бухары и Ферганы и в некоторых случаях украшенной вышивкой. Н.А. Кисляков писал, что типичной “для горных районов является конусообразная тюбетейка с круглым околышем; такая тюбетейка прострачивается, а в расходящиеся от ее вершины стежки, между верхом тюбетейки и подкладкой, вставляется для прочности свернутая в тугую валик вата – пилта; по околышу строчка идет вокруг горизонтальными рядами. Тюбетейки в большинстве случаев вышивали растительным или геометрическим орнаментом; околыш обшивали орнаментированной тесьмой (шероза), из вышитой тамбурным швом. Женская рубашка, по сравнению с мужской, была длиннее (ниже колен), причем ворот у нее разрезан продольно до пояса, чтобы удобно было кормить детей, у девушек – горизонтальный, менее круглый, глухой, в некоторых случаях – с вышивками и форме шелковых оторочек. Женские панталоны шили часто из белой или красной бумажной ткани, очень длинными, суживающимися книзу и плотно охватывающими ногу у щиколотки. В работе дается информация и об обуви. Среди горцев широкое распространение имели мукки. “Мукки представляют собой сапоги, – пишет А.А. Семенов, – сшитые из грубой сыромятной кожи (большею частью из воловьей) с голенищами, доходившими до колен. Подошвы таких сапог лодкообразные, расширяющиеся спереди”.

Некоторые подробности об украшениях женщин-горянок содержатся в этнографических очерках А.А. Семенова, который отмечал, что “женщины состоятельных семей украшают себя ожерельями (садаф) из раковин и бус, медными и серебряными серьгами (гушвор), перстнями (ангуштарин) и запястьями (дастбанд)...”. Ни мазей, ни духов, ни каких-либо вообще косметических принадлежностей они не применяли. Руки и ноги красили хной.

Описывался также ассортимент блюд у населения Памира и Припамирья, которая отличался

ограниченностью и недостаточной калорийностью. По словам автора, население часто употребляло омач, овощи и фрукты.

А.А. Семенов пишет и об утвари горцев: каждая семья имела большой чугунный котел, привезенный из Ферганы или Бухары, чугунный кумган (род чайника) для кипячения воды, кое-какую деревянную и глиняную посуду, ножи, которые мужчины носили при себе, и большие с тупым, слегка загнутым концом, хозяйственные ножи – для разделения теста; имелась сыромятная кожа, на которой разделявали тесто, крошили лапшу; кожаный продовольственный мешок; большая круглая деревянная разливная ложка с изогнутой ручкой и несколько (часто одна на всю семью) ложек для еды. Принадлежностью семьи были: деревянный сундук, орнаментированный резьбой и красками, шкапулка с выдвигающейся крышкой, плетенные из пшеничной соломы чемоданы – небольшие коробочки, в которых хранились принадлежности для рукоделия; круглые коробки, сплетенные из тонко наструганных еловых прутиков, украшенные геометрическим орнаментом для хранения различных вещей; обувь, ткацкий станок, запас 5–6 светильных лучин.

Рассказывая о семейных отношениях, А.А. Семенов отмечает существование на Памире больших патриархальных семей. У таджиков Памира и Припамирья по достижении мальчики 10–15-лет и девочки 8–12-лет считались совершеннолетними и могли вступать в брак. Согласно обычаю, в Припамирье, говорит А.А. Семенов, в большинстве случаев при заключении брака не только не спрашивали согласия венчаемых, но и часто вопреки их желания создавали семьи. На плечи женщины ложились все заботы о семье. Собран материал об обычаях и обрядах, связанных с подготовкой к рождению ребенка, с самим процессом рождения, об уходе и кормлении ребенка.

Среди горцев был и такой обряд: беременная женщина тайно ходила к мулле, тот за подарок читал молитву над тряпкою, палкою, костью или другой вещью, потом отдавал наговорный предмет пришедшей женщине. Она бережно прятала его и при первом удобном случае бросала наговор к дому того соседа, у которого много детей, в надежде, что теперь смерть минует ее будущего ребенка и унесет дитя соседа.

В некоторых районах таджичка, повязывая на священное дерево какой-нибудь лоскут, производила горячую молитву “Худо” и давала клятву, что если бог исполнит ее мольбу и желание – ее ребенок не умрет, – то она поставит столько-то зажженных свечей в углублении священного камня, который обыкновенно находился в мазаре. Эти све-

дения свидетельствуют о том, что в конце XIX в. среди таджиков Памира и Припамирья сохранились пережитки фетишизма.

Некоторые работы ученого посвящены рождению и воспитанию детей в семьях горных таджиков. Он писал, что дети-горцы, живущие в патриархальной неиспорченной среде своих отцов, пользуются особенно нежной любовью и привязанностью своих родителей и окружающих их взрослых. Детей ласкают, нежат и при первой возможности спешат их хоть чем-нибудь порадовать. Далее автор описывает распространенные в крае обычаи и способы сбережения роженицы и новорожденных от разных злых духов, демонов, алмасты (альбаствы) и др., которые, по представлению горцев, часто похищали, терзали, мучали и убивали как детей, так и матерей. А.А. Семенов пишет: «На земле живут добрые духи “пари” и много злых с разными названиями, из них особенно страшны “дэвы” и “шайтаны”. Как “шайтаны” и “дэвы”, так и “пари” могут причинить ребенку зло. Первые могут похитить и унести безвозвратно, “пари”, хоть и добрый гений таджика, тоже иногда не прочь жестоко пошутить над новорожденным. Пользуясь отсутствием при нем людей, “пари” заглядывает в детскую колыбель, ударяет ребенка по какой-либо части тела, отчего происходят увечья тех или других членов, например: отнимается рука, нога, появляется горб, перекашивается рот, бывают поранения и т.д.».

А.А. Семенов рассказывает и о первой стрижке ребенка: «Когда дитя подрастет и начнет ходить, — это приблизительно, бывает на втором году, — ему впервые бреют или просто коротко стригут волосы. Эта операция происходит обыкновенно без всяких церемоний. Потом лет до 7–10 волосы стригутся довольно аккуратно, но мальчикам в это время не полагается еще носить “токи” (ермолки)... Девочкам после первой стрижки больше не стригут волос; когда последние отрастут, их заплетают в две косы по обеим сторонам головки». Далее автор отмечает, что иногда более зажиточные родители при этом вплетали в косу малышки какую-нибудь ленту или просто полоску окрашенной хлопчатобумажной ткани.

В возрасте до 10 лет дети пользовались особенной любовью родителей и окружающих их взрослых. Отцы во время отдыха играли со своими детьми.

По поводу отношения взрослых людей к детям, А.А. Семенов пишет:

«Горец-таджик смотрит на ребенка, как на дар божий, как на самое чистое проявление божества; в нем он видит все лучшее в своей жизни, всю от-

раду и надежду. Ласкать и баловать детей — святая обязанность не только каждой матери, но и каждого мужчины».

Особое внимание уделяли горцы детям-сиротам. Их опекали и им помогали. Сирот всегда брали на свое попечительство ближайшие родственники и воспитывали их наравне со своими детьми, при этом любви к ним бывало еще больше, чем к своим детям. А.А. Семенов в одном дарвазском кишлаке встретил таджика, у которого было своих пять детей, кроме того, он воспитывал еще четырех своих племянников, оставшихся после смерти его брата. Когда приходилось раздавать детям леденцы и разные сладости, этот таджик просил дать побольше сиротам.

А.А. Семенова интересовал также процесс воспитания детей в семье горного таджика. Он отмечает, что на третьем или четвертом году оканчивалось кормление ребенка грудью. После этого в некоторых местах Дарваза и Каратегина детям для праздничных дней более богатые родители делали рубашки их хлопчатобумажной ткани, рукава и вороты которых украшались оторочками из небольших перламутровых кружков, покрытых различными резными узорами. В этом возрасте на девочек впервые надевали шальвары и в большинстве случаев в уши вдевали серьги. В возрасте от 6 до 10 лет мальчикам делали обрезание, которое среди населения называлось “чукбурони”. В назначенный день родители приглашали мастера этого дела — “усто”, обыкновенно кого-либо из местных жителей, который постоянно производил эту операцию. А.А. Семенов пишет: «Когда явится “усто” и соберутся гости, начинается угощение: появляются неизбежные — плов, кебоб, “тухмбирьон” (жареные яйца в масле), вареное мясо, “шурбо” (суп) и проч. местные кушанья. Во время пира конные тешатся известною игрою “бузкаши” — разрывание козла, — которого им жертвует отец мальчика. После пира и окончания игры происходит сам “чукбурони”. Мальчика кладут навзничь и держат его по рукам и ногам; мастер берет короткую камышовую палочку, расщепленную с одного конца. В этот расщеп зажимается крайняя плоть, так что ее верхняя часть несколько выделяется из расщепа наружу. Туго сдавив камыш, “усто” быстро срезает острым ножом или бритвой выдавшуюся вверх кожицу. При этом, чтобы унять кровь, на рану сейчас же накладывается зажженная вата. Этим и заканчивается операция».

Необходимо отметить, что А.А. Семенов особо подчеркивал уважительное отношение горцев к своим детям, их внимание к правильному воспитанию. Несмотря на то что горцы жили очень бедно, они старались одеть и обуть своих детей.

“В праздничные дни, а такими бывают Навруз (новый год, 8 марта) и Курбан Байрам, – пишет А.А. Семенов, – детей наряжают или, вернее, надевают на них чистые рубашки”.

В работах А.А. Семенова нашла отражение и духовная культура, в частности религия и религиозные верования. Автор отмечает, что “религиозные верования горного таджика не сложны и крайне просты”. Подчеркивается, что хотя ислам распространился среди горных таджиков, однако из-за замкнутости, их отдаленность от остального исламского мира, сохранились пережитки доисламских религиозных верований, горцы равнодушно относились к своей настоящей религии – мусульманству – и свято чтили свои старые исконные верования и обычаи, которые почти исчезли среди равнинных таджиков.

А.А. Семенов пишет, что главным для таджиков был “Худо – Парвардигор” он – Питатель, “существо вечное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствам”. Слугами Худо были добрые духи, созданные им, разделялись на три категории. “Первые – фаришта (ангелы), прямые исполнители его велений, охранители людей. Ближе к фаришта стоят добрые духи более низшие, чем они. Это пари, или парик – благодетели людей и животных, гении – покровители каждого семейства, невидимые покровители стад и пастухов”.

Таким образом, можно отметить, что хотя опубликованные работы А.А. Семенова о материальной и духовной культуре таджиков немногочисленны, но в них собрано большое количество ценного и богатого материала. Весь этот собранный учебным материалом послужил основой последующего всестороннего исследования традиционной культуры горных таджиков конце XIX – начала XX вв.

Список использованных источников

Кисляков Н.А. Таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. Серия “Народы мира”. М., 1962.

Кисляков Н.А. Этнографическое изучение Таджикистана // Труды ТВ АН СССР. Сталинабад, 1951. Т. 29.

Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. М., 1971.

Лукин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962.

Семенов А.А. Из области воззрений мусульман Средней Азии на качество и значения некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. 1912. Т. 1. № 3.

Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. 1899. Кн.43. № 4.

Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. СПб., 1912. Т. 1. № 4.

Семенов А.А. К догматике памирского исмаилизма. Ташкент, 1917.

Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. М., 1900. Ч. 1 (Грамматический очерк и памятники народного творчества).

Семенов А.А. Отношение к детям горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1899. Т. 42. № 3.

Семенов А.А. Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Беха-уд-Дине // Записки Восточного отдела РАО. 1915. Т. 22. Вып. 3.

Семенов А.А. Средняя Азия. М., 1899.

Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.